

Ангел Богданович

Граф Толстой об искусстве и науке

Ангел Богданович

Граф Толстой об искусстве и науке

«Public Domain»

1898

Богданович А. И.

Граф Толстой об искусстве и науке / А. И. Богданович — «Public Domain», 1898

«Современное искусство переживает свою переходную стадию, какъ наша литература и наша общественная жизнь. Сумерки ли это, или заря новой жизни въ искусствѣ, кто рѣшится сказать? А голоса, раздающіеся за и противъ современнаго искусства, скорѣе усиливаются, чѣмъ разгоняютъ тьму, мѣшающую провидѣть будущее...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

А. И. Богдановичъ Графъ Толстой объ искусствѣ и наукѣ

Современное искусство переживаетъ свою переходную стадію, какъ наша литература и наша общественная жизнь. Сумерки ли это, или заря новой жизни въ искусствѣ, кто рѣшится сказать? А голоса, раздающіеся за и противъ современнаго искусства, скорѣе усиливаютъ, чѣмъ разгоняють тьму, мѣшающую провидѣть будущее.

Къ такимъ голосамъ, усиливающимъ тьму, несомнѣнно, принадлежитъ и голосъ графа Л. Н. Толстого, посвятившаго этому вопросу статью въ январской книжкѣ «Вопросовъ философіи и психологіи» — «Что такое искусство?»

Какъ и всѣ произведенія графа, заключающія его философскіе взгляды, статья написана хаотично, разбросанно, велерѣчиво, съ массой отступленій, до того запутывающихъ вопросъ, что вначалѣ кажется, будто авторъ противъ искусства. Онъ начинается съ неожиданнаго нападенія на излишнія затраты на искусство, пропадающія зря, тогда какъ силы, занятые искусствомъ, могли бы утилизироваться лучше и съ большей пользой.

«На поддержаніе искусства,— пишетъ графъ,— тамъ, гдѣ на народное образованіе тратится только одна сотая того, что нужно для доставленія всему народу средствъ обученія, даются милліонныя субсидіи отъ правительства на академіи, консерваторіи, театры. Въ каждомъ большомъ городѣ строятся огромныя зданія, для музеевъ, академій, консерваторій, драматическихъ школъ, для концертовъ и представлений. Сотни тысячъ рабочихъ — плотники, каменщики, красильщики, столяры, обойщики, портные, парикмахеры, ювелиры, бронзовщики, наборщики — цѣлыя жизни проводятъ въ тяжеломъ трудѣ для удовлетворенія требованій искусства, такъ что едва ли есть какая-нибудь другая дѣятельность человѣческая, кромѣ военной, которая поглощала бы столько силъ, сколько эта. Но мало того, что такіе огромные труды тратятся на эту дѣятельность, — на нее, также какъ на войну, тратятся прямо жизни человѣческія: сотни тысячъ людей съ молодыхъ лѣтъ посвящаютъ всѣ свои жизни на то, чтобы выучиться очень быстро вертѣть ногами (танцоры), другіе (музыканты) на то, чтобы выучиться очень быстро перебирать клавиши или струны; третьи (живописцы) на то, чтобы умѣть рисовать красками и писать все, что они увидятъ; четвертые на то, чтобы умѣть перевернуть всякую фразу на всякіе лады и ко всякому слову подобрать риѐму. И такіе люди, часто очень добрые и умные, способные на всякій полезный трудъ, дичають въ этихъ исключительныхъ, одуряющихъ занятіяхъ и становятся тупыми ко всѣмъ серьезнымъ явленіямъ жизни, односторонними и довольными собой спеціалистами, умѣющими только вертѣть ногами, языкомъ или пальцами». Затѣмъ, описавъ репетицію какой-то оперы, авторъ негодуетъ: «Невольно приходитъ въ голову вопросъ,— для кого это дѣлается? Кому это можетъ нравиться? Если и есть въ этой оперѣ изрѣдка хорошенькіе мотивы, которые было бы пріятно послушать, то ихъ можно бы было спѣть просто безъ этихъ глупыхъ костюмовъ и шествій, и речитативовъ, и маханій руками. Балетъ же, въ которомъ полуобнаженныя женщины дѣлають сладострастныя движенія, переплетаются въ разныя чувственныя гирлянды, есть прямо развратное представленіе. Такъ что никакъ не поймешь, на кого это рассчитано. Образованному человѣку это несносно, надоѣло, настоящему рабочему человѣку это совершенно непонятно. Нравится это можетъ, и то едва-ли, набравшимся господскаго духа, но не пресыщеннымъ еще господскими удовольствіями, развращеннымъ мастеровымъ, желающимъ засвидѣтельствовать свою цивилизацію, да молодымъ лакеямъ».

Авторъ негодуетъ, съ нимъ начинается негодовать и читатель. Но стоитъ нѣсколько разобратъ въ этомъ негодованіи, чтобы увидѣть, что искусство рѣшительно тутъ не причемъ. Въ наше время нѣтъ такой отрасли самага «полезнаго труда», въ которой милліоны людей не эксплуатировались бы и не страдали, что зависитъ отъ тѣхъ общественныхъ условій, при

которыхъ намъ приходится жить и работать. Намъ припоминается одно изъ лучшихъ произведений Некрасова «Желѣзная дорога», въ которомъ поэтъ описываетъ жертвы, павшія на ея постройкѣ. Но ни у него, ни у читателя и мысли нѣтъ, что виновата желѣзная дорога и что она не нужна или что ее надо замѣнить чѣмъ-то менѣе стоящимъ, болѣе легкимъ и т. п. Если мы станемъ оцѣнивать ту или иную отрасль труда съ точки зрѣнія ея тяготъ, то работа для искусства окажется и легче, и лучше оплачиваемой. Да, отвѣтятъ намъ, но здѣсь работникъ понимаетъ пользу желѣзной дороги, и это сознание скрашиваетъ до извѣстной степени тяжесть его труда, тогда какъ, работая для искусства, онъ не видитъ, въ чемъ польза и смыслъ его труда. Но и каменщикъ, строящій театръ, и плотникъ, строящій кулисы и подмости, знаютъ превосходно, что для какой бы цѣли ни предназначались этотъ домъ и эти подмости, имъ отъ этого ни мало не легче: будетъ тутъ школа или театръ, онъ не станетъ работать отъ этого меньше часовъ и не получитъ большей заработной платы. Авторъ тогда былъ бы правъ, если бы доказалъ, что всякій трудъ и легче, и лучше оплачивается, чѣмъ трудъ для искусства, а такъ какъ это нелѣпость, то и его нападеніе на искусство съ точки зрѣнія трудовой не имѣетъ никакого значенія въ вопросѣ, что такое искусство. Не правъ, конечно, авторъ и въ своихъ вычисленіяхъ затратъ на искусство, потому что всѣ театры, музеи, консерваторіи и все, что съ ними связано, занимаютъ въ бюджетѣ государства и общества ничтожное по денежной стоимости мѣсто, а количество людей, непосредственно занятыхъ искусствомъ, исчисляется нѣсколькими тысячами, и то, если взять въ расчетъ всѣхъ, прикосновенныхъ къ искусствамъ. Творцовъ же искусства, конечно, такъ мало, что при общемъ подсчетѣ трудящагося человѣчества ихъ и усчитать трудно. Жалобы автора на тягости, которыя несетъ это бѣдное человѣчество, благодаря искусству, напоминаютъ гнѣвъ мельника противъ курицъ, пьющихъ у него воду, когда прорвало плотину.

Въ этой вылазкѣ графа Л. Н. Толстого противъ искусства видна его обычная ошибка, — отсутствіе соціологической точки зрѣнія на данное явленіе. Всегда и все онъ разсматриваетъ внѣ времени и пространства, съ абсолютной точки зрѣнія, ни съ чѣмъ не считающейся. Критика такого рода чрезвычайно проста и легка, но и бесплодна въ то же время, потому что, ничего не выясняя, она только запутываетъ вопросы.

Такъ и въ данномъ случаѣ, что авторъ, конечно, понимаетъ, почему и не останавливается на упрекахъ трудового, такъ сказать, порядка и дѣлаетъ скачекъ въ сторону критики искусства. Вы служите искусству, — говоритъ онъ, а между тѣмъ не опредѣлили до сихъ поръ, что оно такое, — и начинаетъ съ утомительной подробностью приводить разнорѣчивыя мнѣнія всѣхъ временъ и народовъ по этому предмету. «Какъ богословы разныхъ толковъ, такъ художники разныхъ толковъ исключаютъ и уничтожаютъ сами себя. Послушайте художниковъ теперешнихъ школъ, и вы увидите во всѣхъ отрасляхъ однихъ художниковъ, отрицающихъ другихъ: въ поэзіи — старыхъ романтиковъ, отрицающихъ парнасцевъ и декадентовъ, парнасцевъ, отрицающихъ романтиковъ и декадентовъ; декадентовъ, отрицающихъ всѣхъ предшественниковъ и символистовъ; символистовъ, отрицающихъ всѣхъ предшественниковъ и маговъ, и маговъ, отрицающихъ всѣхъ своихъ предшественниковъ; въ романѣ — натуралистовъ, психологовъ, натуралистовъ, отрицающихъ другъ друга. То же въ драмѣ, живописи и музыкѣ. Такъ что искусство, поглощающее огромные труды народа и жизни человѣческихъ и нарушающее любовь между ними, не только не есть нѣчто ясно и твердо опредѣленное, но понимается такъ разнорѣчиво своими любителями, что трудно сказать, что вообще разумѣется подъ искусствомъ и въ особенности хорошимъ, полезнымъ искусствомъ, такимъ, во имя котораго могутъ быть принесены тѣ жертвы, которыя ему приносятся».

Слѣдуетъ отрицательный, до крайности запутанный отвѣтъ, что, такъ какъ всѣ опредѣленія искусства, дѣланныя до сихъ поръ, неточны, невѣрны, сбивчивы, противорѣчивы, то и искусства настоящаго, ради котораго стоило бы приносить «жертвы», нѣтъ. Вся вина эстетиковъ въ томъ, что они вводятъ въ опредѣленіе искусствъ понятіе красоты, которая сама по себѣ тоже не опредѣлима, и каждый понимаетъ ее по своему. Выходъ изъ столь затруднительнаго

положеніе представляется графу одинъ – изгнать красоту изъ искусства. «Надо перестать смотрѣть на него, какъ на средство наслажденія, а разсматривать искусство, какъ одно изъ условій человѣческой жизни. Разсматривая же такъ искусство, мы не можемъ не увидѣть, что искусство есть одно изъ средствъ общенія людей между собою».

Можно сказать, что графъ открылъ Америку, до него мы и не подозревали, что одно изъ свойствъ искусства есть «общеніе людей между собой» и что одной красоты для искусства мало... Словами люди выражаютъ мысли, продолжаетъ авторъ, «искусствомъ же люди передаютъ другъ другу свои чувства... Чувства, самыя разнообразныя, очень сильныя и очень слабыя, очень значительныя и очень ничтожныя, очень дурныя и очень хорошія, если только они заражаютъ читателя, зрителя, слушателя, составляютъ предметъ искусства. Чувство самоотреченія и покорности судьбѣ или Богу, передаваемое драмой; или восторга влюбленныхъ, описываемое въ романѣ; или чувство сладострастія, изображенное на картинѣ, или бодрости, передаваемой торжественнымъ маршемъ въ музыкѣ; или веселья, вызываемаго пляской; или комизма, вызываемаго смѣшнымъ анекдотомъ; или чувство тишины, передаваемое вечернимъ пейзажемъ или убаюкивающей пѣснью, – все это искусство. Когда зрители-слушатели заражаются тѣмъ же чувствомъ, которое испытывалъ сочинитель, это и есть искусство. Вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній, линій, красокъ, звуковъ, образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство такъ, чтобы другіе испытывали тоже чувство, – въ этомъ состоитъ дѣятельность искусства. Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ».

Таково опредѣленіе графа. Но, какъ и столь презираемое имъ опредѣленіе чистыхъ эстетиковъ, оно съ одной стороны – безпредѣльно, съ другой – односторонне. Въ свое опредѣленіе графъ впихнулъ все – до анекдота включительно, и не далъ самаго существеннаго признака искусства, который заключается въ *творческомъ* началѣ. Безъ *творчества* нѣтъ искусства. Художникъ творитъ, т. е. изъ матеріала жизни, добытаго наблюденіемъ, онъ создаетъ нѣчто новое, чего до него не было. Стремясь въ звукахъ, краскахъ, образахъ передать это новое такъ, чтобы оно стало достояніемъ и другихъ, художникъ занятъ только *своимъ* чувствомъ, своимъ настроеніемъ. Возможно полнѣе и ярче выразить его – такова его цѣль, которая тѣмъ полнѣе достигается, чѣмъ сильнѣе въ немъ эта способность къ творчеству, которую называютъ талантомъ. Графъ Толстой ни однимъ словомъ не обмолвился о талантѣ, онъ даже не упоминаетъ о немъ, какъ будто талантъ въ искусствѣ не при чемъ. Между тѣмъ, присутствіе таланта составляетъ главный признакъ произведенія искусства. Мы всѣ передаемъ другимъ свои чувства или стремимся передать ихъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ, но никто не рѣшится подвести вою эту многообразную дѣятельность подъ понятіе искусства. Только то мы называемъ произведеніемъ искусства, въ чемъ есть *типичное*, что воспроизводитъ типичное въ жизни. Величайшія произведенія даютъ общечеловѣческіе универсальные типы, другія произведенія – типы мѣстные, своего народа и своего времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.